крыто обнаружить свое с ним несогласие, активную позицию «отвержения», неприятия. Отсюда пропущенность объективной действительности через призму памяти. Личностное ее восприятие не приводит к подмене картины бытия самосознанием героя, эмоционально окрашивает ее.

С наибольшей выразительностью это качество проявляется именно в откровенных перекличках с Камю, которые, как мы уже отмечали, использует Буджедра. В одном из последних романов писателя — «Обладателе кубка» [11] — снова «проигрываются», как и в «Солнечном ударе», сходные с камюзианскими мотивы, которые к тому же звучат в сходных ситуациях. Так, например, столь существенное для Камю при решении им экзистенциальной темы «чуждости» человека и мира воспоминание героя о матери (в «Постороннем») возникает и в «Обладателе кубка». Но здесь вся система образов, весь смысл изображаемых писателем художественных пространства и времени подчинены задаче прямо противоположной, поэтому и мотив воспоминания узника о матери выполняет совершенно иную функцию, хотя сам прием не подвергается трансформации.

Как сцена с похоронами матери в «Солнечном ударе», так и финальный образ матери, возникающий в последних строках «Обладателя кубка», подсказаны Камю. Но смысловая, идейно-эстетическая нагрузка этих мотивов и ситуаций в «Обладателе кубка» иная. Для героя Камю, находящегося в ожидании казни, мать — это не символ все еще длящейся, даже на пороге смерти, связи с жизнью, не тот своего рода мост, по которому как бы возвращается герой Буджедры назад — от смерти к жизни, но (оказавшееся для Мерсо самым реальным, самым убедительным) подтверждение абсурдности человеческого бытия. Вспыхивающий в последний раз в сознании Мерсо образ матери — это для него лишнее подтверждение мысли, что человек только перед лицом смерти обретает, наконец, свою свободу. Кончина матери — самоутешение Мерсо. В его понимании, конец человека — это не завершение жизни, но начало его свободы, итог «безумного бега» от «безумия жизни», исполнение «надежд», почти свершение идеала: «встретить где-то шальную пулю в лицо» и завершить безумие существования...

Мать же в романе Р. Буджедры «Обладатель кубка» есть сама родная земля, и она не может умереть, она живет в памяти героя как надежда на бессмертие народного дела, подвига, революции. И почти та же самая фраза, что и в романе Камю, повторенная алжирским писателем в конце романа, фраза о том, что нельзя, незачем оплакивать свою мать, как и ничью другую, приобретает у Буджедры иной смысл: цель человеческой жизни — в продолжении жизни. И если кто-то поднял уроненный, выпущенный из рук факел и понес его дальше, то никто не умер, и дети одной матери, отдавшие свои жизни за идеалы народа, не умирают, если дети другой продолжают их дело [11, с. 244].

Так в перекличку писателей вмешалось эхо исторических событий, изменивших и судьбу целой нации, и психологию отдельной личности, не только осознавшей свое человеческое достоинство, но и почувствовавшей свою силу в единстве с теми, кто за свободу боролся. Отсюда и еще одно осязаемое различие: проблема общественного долга, который для героя Камю «ничего не говорит воображению» [14, с. 159] [3], решалась героями Буджедры (и новый его роман «Ломка» [12] — лишнее подтверждение этому) почти бессознательно, как нечто само собой разумеющееся. Их выход навстречу борьбе, опасности, смертельной схватке с врагом был не «прыжком в абсолютную свободу», но шагом навстречу жизни, возможностью окунуться в сражение за эту будущую жизнь, шагом в бессмертие...

Приведенные примеры идейно-художественных трансформаций, обусловленных социально-историческим контекстом восприятия и усвоения

[3] Либо рассматривается, как это происходит в другом романе Камю — «Чуме», лишь с точки зрения единственно возможного для человека способа сохранения своего достоинства — стоического противостояния абсурду бытия.